

О.А. Хлебникова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ВЕРЕ В РЕЧИ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

The paper is devoted to the problem of soul in speech of old-believers from the Amur Region.

Диалектное высказывание как основная единица коммуникации носителей говора представляет сложный многосторонний объект, требующий системного описания. Поэтому в основу исследования положен комплексный лингвистический подход, включающий элементы когнитивного и культурологического анализа языковых явлений. Такой подход позволяет рассмотреть высказывание как речевое произведение, отражающее способы восприятия и осмысления мира жителями села.

По исследованиям С.Е. Никитиной, семантическое поле «Вера человека», функционирующее в диалектном тексте, по своей наполненности резко противопоставлено другим типам текстов. Вера старообрядца, которую нам рисует наивное сознание современного сельского жителя, по многим параметрам отличается от представлений о вере, зафиксированных в других типах дискурса [1, с. 17].

Если для христианской (ортодоксальной) антропологии человек имеет тройственное строение (дух – душа – тело), то для сознания старообрядцев (семейских) указанную триаду скорее заменяют две оппозиции: дух – плоть и душа – тело. Первые члены этих оппозиций (дух и душа) связаны с нематериальным началом в человеке, тогда как вторые (плоть и тело) указывают на материальное начало. В то же время различия между духом и душою так же, как между плотью и телом, весьма существенны.

Это связано с тем, что душа в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека. В представлениях семейских, жителей отдельных сел Амурской области [2], каждый человек обладает уникальной, неповторимой душою: *сколько людей, столько душ, людей удобно считать по душам* [3].

В крестьянском сознании душа воспринимается как некоторое вместилище внутренних состояний. Те состояния, которые имеют внешние проявления, находятся на поверхности этого вместилища (*на душе*); скрытые от посторонних мысли и чувства находятся где-то в глубине (*в душе* или *в глубине души*). Поведать другому свои даже самые сокровенные мысли или чувства – значит *раскрыть душу*, а нежелательное вмешательство в частную жизнь человека, приставания с целью выведать те мысли и чувства, которые он прячет от посторонних, описывается выражением *лезть в душу*. Если же неосторожным словом или поступком мы оскорбляем что-то, что человек бережно хранит в тайниках своей души, то мы *плюем ему в душу*.

Во многих отношениях, поскольку речь идет о роли соответствующего органа во внутренней жизни человека, нематериальная душа подобна такому материальному органу как сердце, и, напротив, имеет мало общего с человеческим духом. Дух вовсе не концептуализуется как орган. Скорее это некоторая нематериальная субстанция, окружающая душу человека, как своего рода ореол. Эта субстанция может проникать туда, где человек отсутствует физически, и оставаться там, откуда человек уже ушел, в виде своего рода воспоминания о нем: *Чтоб духу твоего здесь не было!* Это означает гиперболический запрет не только физического присутствия, но и малейших нематериальных следов человека, желание уничтожить само воспоминание о нем.

В сознании семейских, поскольку дух является невесомой, летучей субстанцией, человек может подниматься на большую высоту (в метафорическом смысле) именно при помощи духа (*воспарять духом*). Но человек может и *упасть духом*, и это означает, что он пришел в уныние, при котором достичь высот человеческого духа уже невозможно. Слово «душа» в стандартном употреблении не используется в контекстах подобного рода. Однако известно выражение: *душа в пятки ушла*. Здесь речь идет о том, что душа, охваченная страхом, переместилась не просто вниз, но из места своей постоянной локализации (из груди) в новое, неподходящее место. Дух не имеет постоянной локализации в теле человека, поэтому не имеют образной мотивации и не используются такие выражения как «дух в пятки (или куда-либо еще) ушел». Точно так же о сильно встревоженном человеке говорят, что у него душа не на месте, дух же, не имея постоянной локализации, не может быть не на месте. Для души существенно не только местонахождение, но и положение: говоря о симпатиях и антипатиях человека, используют выражение «душа лежит» к кому-либо или чему-либо. Для духа расположение также важно, недаром говорят о хорошем или дурном расположении духа, но само выражение показывает, что речь идет как бы о некоей субстанции, окружающей человека, который может пребывать в том или ином расположении духа.

Дух представляет собою именно субстанцию, он плохо поддается счету. Если выражение *ни души* означает просто «никого» (поскольку людей считают «по душам»), то *ни духу* используется в устойчивых выражениях *ни слуху ни духу* и означает отсутствие малейших вестей и даже воспоминания о человеке. *Души* означает просто «люди», например, в ситуации счета (сколько душ и т. п.), и тогда душа выступает заместителем всего человека, включая тело; *духи* означает «призраки», «привидения», поскольку дух подчеркивает нематериальность, «бесплотность». Душа человека автономна и индивидуальна, человеческий дух существует, прежде всего, как часть некоторой межличностной субстанции. При этом приобщенность к данной межличностной субстанции позволяет человеку черпать из нее: часто, для того чтобы предпринять какое-либо решительное действие, бывает необходимо *набраться духу*. Если же человек не сумел этого сделать, то можно сказать, что ему *не хватает духу*. Не говорят «набраться души», «не хватает души».

Если душа человека формирует его личность, будучи вместилищем его сокровенных мыслей и чувств, то дух составляет его внутренний стержень. Поэтому в ситуации борьбы часто бывает важно *сломить дух противника*, после чего он утрачивает волю к победе или даже впадает в отчаяние.

В критических ситуациях человеку необходимо *присутствие духа* (невозможно – присутствие души: ведь душа у человека есть всегда, и притом как единое целое), и, прежде чем что-то предпринять, он часто должен *собраться с духом*. Роль души в человеческой деятельности иная. Существенно не наличие души у человека, а ее участие в конкретном действии: человек может *вкладывать душу в какое-либо дело, делать его с душой (или без души)* [4, с.151].

Специфика представлений о душе и теле проявляется в понимании веры старообрядцами.

До XVII в. вера на Руси была единая – православная. В XVII в. в связи с изменением патриархом Никоном основ православной веры и церковных обрядов, старообрядцы отделились от православной веры.

Информанты так комментируют эту ситуацию: «Слыхали историю Никон Патриарх изменил? Вот это и всю веру переменял. Раньше была единая вера православная в России. Он всю веру, все книги добавил и убавил. И книги все щас вот эти, все в церквях книги все переписаны. Убрал. А вот слово убавил, слово прибавил да будет прок? Да ни в коем случае нельзя, а тут много

прибавлено, молитвы прибавлены, так поверхностно совсем. Это вот крещение неправильное сделал, как попало крестят, и вот книги переделал, он убавил и прибавил всё, крест изменил, не старый обряд сделал, а новый обряд. А старинные книги они с-с-совсем не так написаны» (Борисова Н.М.).

Вера старообрядцев специфична. На ее особенности указывает С.Е. Никитина в работе «Устная народная культура и языковая личность» [1]. Она отмечает: «В народном восприятии любые звуковые сходства сигнализируют о сходстве смысловом, различия во внешней форме слов, употребляющихся как синонимы, указывают на различия в денотатах. Интересны в этом смысле интерпретации смысла слов старообрядцы и староверы. Ономазиология этих слов по-разному расставляет смысловые акценты на общем концепте: на приверженности либо к старой вере, либо к старым обрядам. Представители старой веры, употребляя оба этих слова, указывают на их несинонимичность. Так, старообрядцы-поморцы Черниговской обл. (пос. Радуль) считают, что их правильно называть только старообрядцами, поскольку они исполняют старые обряды христианской веры, но сама христианская вера – новая, по сравнению с иудейской, поэтому староверами нужно называть людей иудейской веры. Представители поморского согласия на Северном Кавказе (г. Ессентуки), противопоставляя себя старообрядцам белокриницкого согласия, считают, что именно поморцев следует называть староверами, а белокриницкие, приняв сомнительное священство, фактически перешли в новую веру, оставив только старые обряды, поэтому они старообрядцы. Различие в интерпретациях происходит от разного смысла, вкладываемого в противопоставление *старая вера – новая вера*: в одном случае иудейская вера (старая) противопоставлена христианской (новой), в другом – старая христианская вера противопоставлена новой – никонианской» [1, с.187].

Приведенные примеры показывают, как религиозное самосознание стимулирует самосознание языковое. Сходную ситуацию мы можем увидеть в осмыслении названия «духоборцы» в духоборской среде. Название это было дано архиепископом Амвросием в XVIII в. социально-религиозному направлению, отрицавшему церковь и церковные таинства, священство и иконы, и отразило в своей внутренней форме идею борьбы сектантов со Святым Духом (считается, что сошествие Духа Святого на [апостолов](#) было рождением церкви). Сами же духоборцы приняли это название, переосмыслив его в соответствующем псалме: *«Мы же Богу служим, духом избираем, духом бодствуем, от духа меч берем, духовным мечом и воюем от познания духом слова Божьего»*.

Интересно также осмысление названия «молокане» представителями этого религиозного направления: «не от реки Молочной, где они жили в начале XIX в., не от факта несоблюдения постов произошло это название – в нем отразилась идея божественного молока – истины, о которой говорил апостол Петр».

По воспоминаниям информантов-семейских, в зависимости от различий в религиозных обрядах среди старообрядцев Амурской области, выделялись следующие группы:

- 1) поповцы:
 - семейские (семейные);
 - нырки;
 - австрийское согласие;
 - беглопоповцы;
- 2) единоверцы;
- 3) беспоповцы:
 - самокрестцы;

субботники;

средники.

В диалектных текстах можно наблюдать разграничение православной и старообрядческой веры. Старообрядцы «...живут по-другому. Оне посты соблюдают, соблюдают это строю настрою» (Масникова В.Ф.). Существенным отличием старообрядцев от православных является отсутствие церкви в старообрядческих поселениях. Различия проявляются и в крещении. В православных церквях проводят не крещение, а помазание («Вот это вот крестят, на лоб, это, ваточкой или чем-нибудь помажут, и человек крещёный – это не крещение» (Борисова Н.М.)). Если же крещение проходит, то не по правилам («Один ребёнок только крестится в купели, а воду надо менять. Первый, это самое, крестится, а остальные некрещёные, как некрещёные считаются» (Борисова Н.М.)). У старообрядцев проходит все по правилам. У них допускается крещение в реке, так как вода проточная. «Обкупывали» ребенка три раза. Разница состоит и в том, что православные попы крестятся тремя перстами, а людей заставляют шепотью молиться. «А это вот... шепоть, это уже не православное» (Борисова Н.М.).

Старообрядческие иконы не похожи на православные. «У нас иконы совсем не такие как у вас, у нас бедные же иконы. Распятие оно неправильно. Распятие должно быть наверху титлы быть, это самое, и голуби. Голуби да Христос Назоринин, царь индейский, там титла была написана. А голубь – это один святой. Ну у нас восьмиконечник обязательно. Ну он, как и это самое, ногой же Иисус Христос, одна нога выше, а другая ниже, резда такая», – отмечает Борисова Н.М. Но, несмотря на различия в религиозных обычаях, по словам информантки Чеушевой М.С., старообрядцы и православные верят в одного Бога.

Как и представители других религий, старообрядцы соблюдают религиозные обряды, посты (Петров пост, Пасха, Троица).

Традиции у старообрядцев очень жесткие. Они много молятся, не смотрят телевизор, запрещенным является радио.

«Говорят, что самые строгие грехи – колдовать, жену с мужем разлучить и в утробе дитя загубить» (Ерофеева Ф.Г.).

Религиозная тема тесно соприкасается с темой быта. Одежда старообрядцев несколько отличалась от одежды православных вплоть до середины XX в.: сарафан («Сарафан должен длинный быть, ну рукава должны сшиты, рукава чтоб длинные были. Рубаха, рубашка так называется» (Борисова Н.М.)); пояс («Как покрестят, надо надевать пояс, **крес(т) и пояс**» (Борисова Н.М.)); платок («Не так только завязывают платок, по-другому. Нужно стягивать булавочкой» (Борисова Н.М.)); кички (головной убор, который носят до свадьбы); шашмура (надевают на голову после свадьбы) – «как шапочка, она под платок одевается» (Борисова Н.М.).

«Мужчина должен быть всегда в рубахе навывпуск с длинными рукавами, подпоясанный был, чтоб была рубаха навывпуск. Борода обязательно, без бороды это уже, считай, не христианин у старообрядцев, называется старообрядцы, чтобы обязательно борода была, они не броят её нико(г)да. Ну-у, чтоб волоса были не короткие и не такие длинные» (Борисова Н.М.)

С посудой у старообрядцев очень строго. Они не пользуются посудой, которую использовали «поганые». Это слово информанты не использовали с отрицательной коннотацией. «Погаными» старообрядцы называли людей, не относящихся к их вере: «А эта нет, вы мирских, вам нельзя с ихней посуды пить» (Чеушева М.С.).

Своеобразен похоронный обряд у староверов. Гроб в доме устанавливался по-особому: лицом на запад, ногами к востоку. Крест ставился в ноги. Приготовления к похоронам были следующие: «Ну, у нас загробальник шивают. Его (гроб) не обшивают. Одевается другая

одежда. Рубаха шьётся, воротничок стоечка, рукава это. Штаны шьют, до стельки они, белые ещё. А саван такой вот, она кроится как вот («Он пришивается. Как капюшон» (Ерофеева Ф.Г.)), обложат и накрывают. Просто ткань, там голова ушивается, называется на голову. Ну, две половинки материала кроится, это всё дырки, разрезается, поразрезается, и накрывают ложится покойник. Вовнутрь шёл шев. Руки не связывали, так ложатся. Ну, правая рука к сердцу должна быть, а левая к груди. Свечку, свечку можно ложить и подручник. Ну такая подушечка. Лествицу полóжить можно, полотенце на лоб, венчик. А ноги так стоят» (Борисова Н.М.). Считалось грехом забивать гроб на гвозди перед опусканием его в яму.

На похоронах у старообрядцев нельзя причитать и плакать. Поминки у староверов проходили не как у православных. Поминали староверы не водкой, а водой: «*щас не поминки, а гулянки*» (Свинкина Ф.И.). Кутья готовилась не рисовая, как у православных, а из пшеницы с изюмом.

Таким образом, концептуализация понятия «вера» происходит в текстах не только на религиозную тематику, но и на бытовую, что говорит об актуальности данного понятия для осознания мира старообрядцами. Говоря о душе, мы входим в сложную неисследованную сферу народного миропонимания, связанного с довольно сильной трансформацией ортодоксальных христианских воззрений.

Список информантов:

1. Борисова Нина Максимовна, 1931 г.р., Амурская область, Архаринский район, с.Грибовка. Родилась в д. Татакан Архаринского р-на Амурской области.
2. Ерофеева Фёкла Гурьяновна, 1925 г.р. Родилась и проживает в с. Заган Свободненского района.
3. Свинкин Федор Исаакович, 1928 г.р. Родился и проживает в с. Заган Свободненского района.
4. Свинкина Ульяна Ивановна, 1934 г.р. Родилась и проживает в с. Заган Свободненского района.
5. Масникова Валентина Федоровна, 1912 г.р. Амурская область, Архаринский район, с. Грибовка. Родилась в с. Пашково.
6. Чеушева Мария Степановна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с. Грибовка Архаринского района.

-
1. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковая личность. – М.: Наука, 1999.
 2. Амурское старообрядчество // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2006.
 3. Архив лаборатории региональной лингвистики при кафедре русского языка АмГУ.
 4. Шмелев, А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 133-152.